

Здесь же было шумно. Хотя никто не смел говорить громко, боясь потревожить тех, кто снаружи, комната была полна людей.

Е Мянэ только что закончил купаться и теперь вольготно разлегся на низкой кушетке. Баонянэ сидела с краю, аккуратно смазывая его раны мазью.

Сегодня он вымотался до предела. Навалилась такая усталость, что, хотя обычное время сна еще не пришло, глаза закрывались сами собой. Сознание уже начало медленно уплывать, как вдруг раздался голос старшего брата. Е Мянэ вздрогнул и мгновенно очнулся.

— Брат.

— Разбудил тебя?

Е Мянэ приподнялся на одном локте и зевнул:

— Да нет, я не спал. Почему ты еще не отдыхаешь?

— Уже иду.

Е Цзин присел на край кушетки, осмотрел колени и ладони Е Мянэ, затем приподнял его тонкое белое шелковое спальное платье, чтобы взглянуть на спину. Покачивая головой, он произнес:

— Крылья еще не окрепли, а ты уже пытаешься порхать и дома, и на улице. Глупость несусветная.

Е Мянэ скривил губы:

— Куда мне до тебя. Когда господин Дуаньхуа учился, его высокомерие и гордыня гремели на всю Великую Вэнь.

— Меня? — Е Цзин усмехнулся краешком губ. — Я полагался на собственные силы и потому вольничал как хотел. А ты на что надеешься?

— На то, что удачно родился.

— О как?

— Переродился твоим младшим братом, — рассмеялся Е Мянэ.

Е Цзин на мгновение опешил, но затем отвернулся и тихо, сдерживая улыбку, рассмеялся.

В неверном свете свечи профиль господина Дуаньхуа казался нереально, сказочно красивым. Служанки из двора Баофэн, пришедшие прислуживать, смущенно опустили глаза.

Е Мянэ поспешил закрепить успех:

— Брат, ты такой красивый. В следующей жизни я тоже хочу быть твоим братом.

Е Цзин поднял руку и слегка ущипнул его за мочку уха:

— Раз уж ты такой мастер льстить, отчего не скажешь пару приятных слов отцу?

Е Мянью промолчал.

Е Цзин окинул его взглядом еще раз и поднялся:

— Ложись спать. Раз я вернулся, можешь не бояться отцовского гнева.

Е Мянью порывисто схватил брата за рукав:

— Брат, у меня к тебе есть еще одна просьба.

Е Цзин усмехнулся:

— Твои сладкие речи дорого обходятся.

Е Мянью выпрямился и вцепился в Е Цзина обеими руками. Посерьезнев, он произнес:

— Брат, ты ведь знаешь о деле Главного цензора Жуаня? Оно уже поступило к вам в Судебный приказ Далисы. Его третий сын, Жуань Юньшэн, мой лучший друг.

Е Цзин посмотрел на него с неодобрением:

— И что же ты ему пообещал?

— Нет-нет! — Е Мянью замахал руками. — Я и словом ему не обмолвился, что стану просить тебя о помощи.

Взгляд Е Цзина немного смягчился. Он пристально посмотрел на младшего брата и сказал:

— Я понял. Отдыхай. Завтра утром приходи завтракать ко мне и твоей невестке.

Е Мянью закивал головой, точно цыпленок, клюющий зерно, поправил одежду и юрко нырнул под одеяло. На его лице так и читалось: «Я самый послушный мальчик на свете, похвали меня».

Но Е Цзин даже не взглянул на него и вышел из комнаты.

По результатам этого декадного экзамена Е Мянью, к своему несчастью, принес домой аж четыре оценки «неудовлетворительно» — на две больше, чем в прошлый раз. Но его отец на удивление не схватился за палку, чтобы бежать во двор Баофэн и переломать ему ноги.

Заместитель министра Е с крайне озадаченным видом разглядывал разложенный на столе список результатов декадного экзамена. Все было почти так же, как и в прошлый раз: на первой строчке в высшем классе «цзя» красовалось имя князя Жуннань Чжуан Сюя. Вот только в одном месте имя Е Мянью совершенно чужеродно и вызывающе вклинилось прямо в ряд побед Чжуан Сюя.

В такой дисциплине, как арифметика, князь Жуннань уступил первенство его непутивому сыну, который умудрился перехватить победу прямо у него из-под носа!

Заместитель министра Е вынужден был признать, что испытывает удовлетворение. Ему хотелось хлопать в ладоши и хохотать во весь голос, но, глядя на другие предметы Е Мянью, где стояли лишь тройки-«бин» да двойки-«тин», он понимал, что отцу радоваться не пристало.

С этим выражением лица, будто страдающий запором, заместитель министра Е просидел в

оцепенении добрых четверть часа.

В это время Е Мянъ находился в кабинете павильона Бихуа и вовсю хвастался своими успехами перед Е Цзином.

— Ну как?

— Хорошо, — не поднимая глаз, сухо отозвался Е Цзин, сидевший за столом и разбиравший важные бумаги.

Е Мянъ, облаченный в спальное одеяние из шелка цвета слоновой кости, поверх которого была небрежно наброшена поношенная безрукавка цвета дикой яблони, босиком шлепал в мягких домашних туфлях. В руках он держал черного кролика с лоснящейся шерстью и с довольным видом мерил шагами комнату.

— Ах, какая жаль! Случайно перебежал кому-то дорогу, — с явным злорадством протянул Е Мянъ.

— Хм.

Е Мянъ ничуть не обиделся на равнодушие брата и мимоходом польстил ему:

— «Несравненной красотой наделен лишь господин Дуаньхуа, и нет ему равных в поднебесной». Фальшивка останется фальшивкой, сколько бы ни пыжилась.

Он тихонько фыркнул и пробормотал под нос:

— И как только девицы из соседней школы могут по нему сохнуть? Совершенно не разбираются в людях.

Услышав это, Е Цзин наконец отложил кисть и тихо рассмеялся. Покачав головой, он положил кисть на подставку, сделал глоток чая и произнес:

— Ну, так говорить тоже не стоит. В арифметике ты и правда преуспел. Даже мне пришлось бы несладко, состязайся я с тобой.

Е Мянъ замер на месте, широко распахнув глаза. В груди что-то дрогнуло. За две жизни — а он всегда оставался в тени своих выдающихся старших братьев — он впервые услышал, что в чем-то превосходит их.

Ощущение было необычным. Не успев толком его распробовать, Е Мянъ поспешно откашлялся, скрывая смущение, и напустил на себя равнодушный вид:

— Да ладно тебе, пустяки какие.

На самом же деле от восторга у него горели щеки, и он едва сдерживал порыв прямо сейчас извлечь квадратный корень в уме на глазах у брата.

Немного успокоившись, он вдруг о чем-то вспомнил и широко улыбнулся:

— Завтра наведаюсь во Двор Цинань.

— Опять ищешь неприятностей? — предостерегающе зыркнул на него Е Цзин. — У меня сейчас полно дел.

Е Мянью промолчал, лишь принялся теребить кролика за уши. В душе он всю честил Цзян Бэйцзиня — этого несносного ябеду. Перед экзаменом Е Мянью прихватил с собой нескольких ребят из Двора Цижуи и отправился во Двор Сюсы, чтобы проучить Сюэ Пинъюаня. Тот трусливый гаденыш перепугался до смерти, но не успел Е Мянью как следует его проучить, как примчался прослышавший обо всем Цзян Бэйцзинь и выставил их вон.

Е Мянью, хоть и разозлился, сперва не придавал этому значения. Кто же знал, что этот длинный язык Цзян Бэйцзинь той же ночью побежит жаловаться его невестке! Благо невестка души в девере не чаяла и лишь вскользь упомянула об этом его брату. Узнай обо всем отец — новой порки было бы не миновать.

Видя, что Е Мянью молчит и как ни в чем не бывало тискает кролика, Е Цзин прекрасно понял, какие каверзы тот замышляет. Покачивая головой, он произнес:

— Что до Чжуан Сюя... Перед Новым годом мне довелось встретить его в Цзиньлине.

— Ты видел его? — Е Мянью с любопытством поднял глаза на брата.

Е Цзин кивнул:

— Молод, но ум у него необычайно зрел и глубок. На самом деле такие люди, как он...

Немного подумав, он добавил:

— Во многом похожи на меня. Я отчасти понимаю, что у него на уме.

— Это в каком смысле? — полюбопытствовал Е Мянью.

Е Цзин уклонился от прямого ответа:

— Еще на юге он действовал жестко, не оставляя противникам ни единого шанса. Перебравшись в столицу, он и не подумал умерить пыл, а напротив, стал вести себя еще развязнее — разумеется, чувствуя за спиной надежную опору. Буквально на днях двое влиятельных людей во дворец крупно пострадали из-за него, но так и не смогли ничего поделать. Тебе с ним точно связываться не стоит, держись от него как можно дальше.

Е Мянью возмущился до глубины души:

— Да я и пальцем его не трогал! Это он раз за разом цепляет меня!

Е Цзин с подозрением посмотрел на брата:

— Человек его склада не станет досаждать кому-то без веского повода.

Е Мянью мысленно взвыл от несправедливости. С какой стати ему лезть к этому малолетке-принцу в разгар переходного возраста?

К совету брата Е Мянью все же прислушался. На следующий день во время занятий он действительно не пошел во Двор Цинань. Однако в полдень, когда он отправился обедать в терем Цуйхуа, его окликнул Лу Личжэн и пригласил присесть за их столик.

Лу Личжэн подвинулся, уступая ему половину скамьи. Е Мянью примостился рядом и спросил:

— А где ваш юный князь? Почему не пришел обедать?

— Брат Чжуан Сюй ушел в Палату Цзяюань, скоро будет, — ответил Лу Личжэн, проглотив кусок.

Е Мянью усмехнулся:

— Да ну? А я думал, он так разозлился, что кусок в горло не лезет.

Сидевшие за столом ученики Двора Цинань на секунду замерли, но тут же снова уткнулись в свои чашки с рисом. Раньше кто-нибудь наверняка вспылит бы и вставил свои пять копеек, но после того как они на днях воочию увидели безумное буйство Е Мянью, связываться с ним никто не решался.

Лу Личжэн робко поинтересовался:

— Брат Мянью, я вообще хотел спросить... ты ведь не сердишься на брата Чжуан Сюя?

Е Мянью хмыкнул:

— Да как я посмею?

Лу Личжэн сокрушенно вздохнул:

— Если вы подеретесь, я даже не буду знать, чью сторону принять.

Не успел Е Мянью ответить, как сидевшие за столом ребята из Двора Цинань разом поднялись и почтительно поклонились кому-то у него за спиной.

Е Мянью даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто там стоит.

Чжуан Сюй небрежным жестом велел им сесть и опустился на свободное место прямо рядом с Е Мянью.

<http://bllate.org/book/18289/1753838>